

После нескольких дежурных фраз Чжан наконец посерьезнела:

— Циншань, переходи к нам в Ваньху! В прошлый раз председатель правления сказал: если придешь, получишь годовой оклад в пять миллионов и два процента акций группы. Двенадцать лет ты служил Цзянхуа, свой долг за то, что они когда-то дали тебе шанс, ты сполна вернул.

Сун Циншань промолчал.

Женщина, видя, что он не отвечает, продолжила уговоры:

— Сейчас Ло Сюэ в компании постоянно вставляет тебе палки в колеса. Твой талант заперт в этом крошечном седьмом отделе, мне по-настоящему жаль, что всё так складывается.

— Сестра Чжан, я понимаю, к чему вы клоните. Благодарен вам и председателю Ли за доброе отношение, но Ся Тоу Цзянь тоже приглашает меня к себе, они даже попросили руководство провинции переговорить с нашей компанией.

Услышав это, Чжан с досадой выругалась:

— Этот Чжу-негодяй! Прикрываясь статусом госпредприятия, творит что хочет, посмел силой требовать твоего перевода.

— Ничего страшного. Если бы не приглашение директора Чжу, я бы не принял решение уйти из Цзянхуа так быстро. Я и правда засиделся там слишком долго. — Сун Циншань взял бокал и слегка коснулся им края стакана с молоком, который держала Чжан, на пару сантиметров ниже ободка.

Чжан сделала глоток вина и, тяжело вздохнув, спросила:

— Что ж, Ся Тоу Цзянь — неплохое место. Какую должность они тебе предлагают?

— Президент Южного региона и региона Юго-Восточной Азии, — небрежно ответил Сун Циншань.

Я не понимал всех тонкостей этой должности, но по выражению лица женщины уже мог судить о многом. Стало очевидно, что условия, предложенные ею ранее, по сравнению с этими двумя регионами — сущая мелочь.

Рука Чжан, державшая бокал, непроизвольно дрогнула. На ее лице застыла вымученная улыбка. Она молча залпом осушила бокал, чтобы прийти в себя, и произнесла:

— Этот старый прохвост ради своей дочери готов выложить всё до последней капли.

Сун Циншань обнял Чжан за плечи, слегка похлопал и весело рассмеялся:

— Сестра Чжан, о чем вы только думаете! Директор Чжу просто предложил мне работу.

Чжан, как и я, оказалась падкой на лесть. Стоило Сун Циншаню приобнять ее, как она тут же растаяла и кокетливо ответила:

— Конечно, Циншань не из тех, кого можно купить условиями, не касающимися работы.

Я же был еще слабее: от этого его жеста сердце ушло в пятки, и мне нестерпимо захотелось вскочить и оттолкнуть эту старую женщину. К счастью, заметив, что она успокоилась, Сун Циншань тут же убрал руку и продолжил пить с ней как ни в чем не бывало.

Ах он! Всё, что он делает, всегда так выверено и уместно.

В тот момент меня терзало не только присутствие этой женщины, жадно пожиравшей Сун Циншаня глазами, но и известие о его грядущем уходе. Одно лишь упоминание Юго-Восточной Азии чуть не лишило меня, человека, только-только познавшего вкус любви, рассудка. Если он будет курировать два огромных региона, времени на Цзянбэй у него почти не останется.

Мое лицо становилось всё мрачнее. Я не сводил с него глаз, надеясь увидеть хоть какой-то отклик, но он ни разу не посмотрел на меня. О чем они говорили дальше, я уже не слушал, погруженный в свои тревожные мысли, пока в три часа ночи мы наконец не разошлись.

У Чжан был личный водитель, а мы с Сун Циншанем вызвали такси. По дороге к нему домой мы сидели на заднем сиденье. Я несколько раз порывался спросить об увольнении, но он каждый раз ловко уходил от ответа. Я хотел было выпросить про его отношения с Чжан, директором Чжу и Ло Сюэ, но так и не решился.

Он сидел, подперев голову рукой, и смотрел в окно, а я, прислонившись спиной к дверце, наблюдал за ним. После долгого молчания он вдруг произнес:

— Поговорим, когда вернемся.

Меня охватил восторг: оказывается, я не один терзался догадками. Мои мысли, моя тревога и беспокойство — он всё это знал.

<http://bllate.org/book/20497/2042674>